

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

«Сѣверный Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» —
іюнь и «Русское Богатство» — май.

Приходилось-ли вамъ, читатель, устраивать въ золотую пору безпечальнаго дѣтства домини изъ карты?

Помните-ли вы тѣ усилія, съ какими удавалось вамъ довести шаткое сооруженіе до конца и иллюминировать его огаркомъ восковой или стеариновой свѣчи?

Вы долго и тщательно собирали ненужныя карты, и, когда накопилось достаточное количество строительнаго матеріала, осторожно приступали къ постройкѣ.

Не безъ усилій устраивался фундаментъ, возводились стѣны, двухскатная крыша, уворчатый балконъ.

Не безъ тревогъ вырѣзывались окна и двери.

Не безъ испарины и гримасъ одноэтажное сооруженіе превращалось въ двухэтажное или двухэтажное — въ трехэтажное, для чего приходилось предпринимать не всегда благополучныя рекогносцировки за строительнымъ матеріаломъ.

Сооруженіе оканчивалось, вы любовались имъ, а на утро находили груды измятыхъ картъ..

Неосторожное движеніе кого-либо изъ домашнихъ или прыжокъ разыгравшейся кошки — уничтожали труды нѣсколькихъ часовъ...

Читая въ іюньской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» окончаніе новаго произведенія г. Горькаго — «Варенька Олесова», — вы невольно вспоминаете карточный домикъ.

Таже кропотливость «сооруженія» и тѣже результаты.

Авторъ розмалеваннаго «Озорника», завѣдомо выдуманнаго, неестественнаго «Челюша», противостественной «Мальвы» съ созерцающими солнце войлочными сапогами и проч. задумалъ поразить своихъ читателей большимъ произведеніемъ, для чего употребилъ слѣдующій приемъ.

Онъ собралъ старыя карты... pardon, собралъ группу самыхъ ординарныхъ людей, и даже не людей, а менекеновъ, связавъ ихъ толстыми бѣлыми нитками, усѣлся въ сторонѣ за широчкой и принялся дергать концы нитокъ.

Дернуть одинъ конецъ нитки — на маленькую, плохо сплоченную на скорую руку сцену немедленно выскакиваетъ нѣкоторый весьма сомнительный «ученый», Ипполитъ Сергѣевичъ, который можетъ быть названъ и Петромъ Петровичемъ, и Вавиломъ Вавилычемъ, и Прохоромъ Анвудинычемъ, барабанить какую

нибудь старую примелькавшуюся дребедень о назначеніи человѣка яли о физивѣ, смотря потому, что попадаетъ подъ авторскую руку, и исчезаетъ на время.

Дернуть другой конецъ — выскакиваетъ сестра «ученаго», тоже барабанить чтонибудь этакое возвышенное или веселенькое и тоже исчезаетъ.

При третьемъ движеніи нитки — появляется «сама» героиня повѣсти, Варенька Олесова, барабанить, по положенію, дѣлаетъ вниченъ и исчезаетъ.

Въ томъ же порядкѣ проходятъ передъ читателемъ: нѣкоторый, неизвѣстно для чего потревоженный, отставной полковникъ Олесовъ, сражавшійся подъ Плевной и потерявшій здоровье, нѣкоторая Маргарита Раціоновна, проживающая въ домѣ Олесовыхъ, веселый конюхъ, вертлявая горничная есе есе.

«Ученый» Ипполитъ Сергѣевичъ — субъектъ извѣденный кабинетной пылью, рефлексіей, безцѣльностью жизни, — случайно попадаетъ въ имѣніе своей овдовѣвшей сестры, Елизаветы Сергѣевны, и случайно же знакомится съ Варенькой Олесовой, — дѣвицей вѣрнотѣлой, подеревенски здоровой, очень мало тронутой «культурой».

На ученаго мозгляка Варенька, долженствующая изображать нѣчто среднее между тургеневскими Наташей и Асей, производитъ весьма отранное впечатлѣніе.

Она правится ему — какъ объектъ, и подвергается на каждомъ шагѣ критикѣ — какъ субъектъ. Флиртъ, тѣмъ не менѣе, завязывается.

Предпринимаются отдаленныя прогулки, ведутся длинныя собесѣдованія, во время которыхъ «ученый» тщательно «зондируетъ почву», знакомится съ характеромъ и внутреннимъ содержаніемъ дѣвицы, а затѣмъ отягиваетъ въ себя... физиологическое влеченіе къ анализируемой деревенской вѣрнотѣлости и умственной непосредственности.

Вся эта весьма неинтересная исторія тянется утомительно долго и завершается таковой сценой: Ипполитъ Сергѣевичъ шель по берегу, причудливо изрѣзанному песчаными мысами и маленькими заливами, окруженными зеленью, и почти вѣждые пять шаговъ открывали передъ нимъ новую картину.

Онъ шель себѣ, шель, — и вдругъ, ослѣпленный, остановился.

Передъ нимъ, по поясъ въ водѣ, стояла Варенька, навлонивъ голову и выжимая руками жожрые волосы.

Само собою рязумѣется, что, ея тѣло блестяло, водяныя капли сверяли, упруго — дѣвственныя или дѣвственно — упругія формы поражали, а «ученый» превратился въ пенъ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ съ восторгомъ, «кажъ на что-то святое»,—такъ, по словамъ г. Горькаго, была чиста и гармонична купавшаяся дѣвица.

Она была такъ чиста,—повторимъ еще разикъ, по поговоркѣ — «масло наши не портить»,—что даже волны любовались ею, *«тихо гладили ея тѣло, безшумно и ласково обходя его въ своемъ мирномъ теченіи».*

Дѣвица замѣтила «ученаго», разозлилась и, присѣвъ по шею въ воду, заорала:

— Прочь... идите прочь! Что вы? Это... это-же...

Но онъ стоялъ и смотрѣлъ, а потомъ упалъ на колѣни, «почти коснувшись ими воды».

Дѣвица гнѣвно вскрикнула и тревожно заговорила:

— Уходите!.. Я никому не скажу...

— Я не могу... хотѣлъ отвѣтить «ученый», но только пошлепалъ пересохими губами.

— Берегись... Ты! Прочь иди!—кричала дѣвица—Подальш! Нивзій!

Что ему были эти крики?—мечтательно размышляетъ г. Горькій,—онъ, т. е. «ученый», а не г. Горькій, стоялъ на колѣняхъ, шлепалъ губами и таращилъ глаза.

— О! ты... Гадкій песъ... Ну я тебя.. прошептала дѣвица и высочила изъ воды.

«Ученый» раскрылъ объятія, но получилъ ударъ по лицу «тѣмъ-то мокрымъ и тяжелымъ».

Потомъ его треснули въ грудь.

Потомъ опрокинули на спину и засыпали влажнымъ пескомъ глаза.

А потомъ... потомъ его основательно отколотили на всѣ корчи все тѣмъ-же «мокрымъ и тяжелымъ».

— Что.. хорошо? Какъ вы придете въ домъ такой? Весь сверный, грязный, мокрый, обрваный... Эхъ, вы жалкій.. гадкій... Скажите хоть, что въ воду съ берега сорвались... Не стыдно-ли? Вѣдь я могла бы убить... если бы въ руки попало что другое.

Онъ тихонько спросилъ ее:

— Вы.. больше... я не увижу васъ?

Она махнула рукой и быстро скрылась за деревьями.

«А рѣка текла медленно... медленно... медленно»...

Совершенно такъ, какъ неудачный во всѣхъ смыслахъ новый рассказъ г. Горькаго.

Въ немъ нѣтъ ни живого слова, ни болячаго развитія дѣйствія, ни... ни смысла.

Кое гдѣ мелькаетъ «нѣчто», но «нѣчто» до послѣдней степеней блѣдное, вымученное, мозговое. Мораль рассказа: человѣче, ежели ты изъѣденъ кабинетной пылью и рефлексіей, то не тщись покорить обнаженную деревенскую дѣвицу, ибо

тебя могутъ основательно отколотить. Обнаженные дѣвицы позволяютъ разсматривать себя только послѣ превращенія, по существующимъ брѣвчанымъ узаконеніямъ, въ дамъ.

Неужели «Варенька Олесова», начало конца беллетристическихъ многописаній г. Горькаго? Не хочется вѣрить.

Онъ слишкомъ много обѣщалъ, чтобы такъ сразу обаяротиться.

II.

Такой же безцѣльностью и «ненужностью» представляется рассказъ В. Т. Авсеенко «Карьера Вязигина», помѣщенный въ июньской книжкѣ «Вѣстника Европы».

При замѣчательно кропотливой ажурной отдѣлкѣ деталей, очень хорошемъ языкѣ, несомнѣнной литературности, рассказъ г. Авсеенко даетъ читателю столько же, сколько даетъ рассказъ г. Горькаго, т. е. круглый нуль.

На протяжении тридцати восьми убористыхъ страницъ авторъ съ увлеченіемъ рассказываетъ о томъ, какъ незначительный чиновникъ Сергій Павловичъ Вязигинъ постенно выдвигается и прочно становится на ноги.

Хорошо составленный докладъ обращаетъ на Вязигина вниманіе какаго то высшаго начальства, ему обѣщаютъ выгодное и почетное мѣсто, а пока-что онъ покоряетъ сердце богатой дамы, г-жи Галатской, и получаетъ ее согласіе на вступленіе въ законный бракъ.

Въ этихъ нѣсколькихъ строчкахъ все содержаніе рассказа.

Онъ читается съ интересомъ, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера г. Авсеенко, но въ концѣ концовъ читатель въ правѣ поставить вопросъ:

— Для чего написана «Карьера Вязигина»?

Что въ столицѣ развѣтъ карьеризмъ—это каждому давно извѣстно по многочисленнымъ провинціальнымъ примѣрамъ и однороднымъ произведеніямъ другихъ авторовъ. *)

Что «положеніе» создается въ жизни не упорнымъ трудомъ, не мольбами и горбамъ—также извѣстно,—извѣстно съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ превратился изъ комада воч-вишка въ «общественника», замѣнивъ овечью шкуру фразамъ и смокингомъ.

Это мажорныя, нуждающіяся не въ спокойно-однотонныхъ пересказахъ, а въ бичующихъ сатирахъ и ѣдкихъ эмиграммахъ.

«Вязичиныхъ» нужно травить, какъ травятъ бродячихъ вредныхъ собакъ, высмѣивать, опрощивать съ пьедесталовъ.

Отъ нихъ сверно живется на бѣломъ свѣтѣ не «Вязичинымъ».

Они заражаютъ атмосферу и мѣшаютъ ды-

*) Рассказы г. Тихонова изд. 1898 г.

шать настоящимъ труженикамъ.

Такъ поступила г-жа Виницкая, ношѣтившая въ той-же книжкѣ «Вѣсти. Европы» полный горечи и желчи рассказъ «Прослезился», и поступила, на нашъ по крайней мѣрѣ взглядъ, вполне правильно.

Рассказъ занимаетъ всего четыре печатныхъ страницы, но онъ стоитъ четырехъ томовъ.

Нѣкто Перекатовъ, крупный представитель судебного міра, сидитъ въ своей квартирѣ въ отсутствіе семьи и занимается самоанализомъ.

Самоанализъ открываетъ ему внутреннюю пустоту, неудовлетворенность жизнью и дѣятельностью, а рассказъ кухарки Анфисы—таинственное исчезновеніе ведра съ помоями...

Перекатовъ брезгливъ, безцеремонность кухарки возмущаетъ его, но онъ все-таки рѣшаетъ предпринять нѣкоторый домашній сыскъ и взбирается на чердакъ.

... Дѣлая таинственный знавъ глазами сопровождающей его Анфисѣ, онъ приложитъ палецъ къ губамъ, прокрался въ темный корридоръ и подслушиваетъ у низенькой двери семьдесятъ восьмого номера. Осторожно потянулъ онъ за скобу, пріоткрылъ дверь и смотритъ однимъ глазомъ въ отверстіе. Сначала трудно что-нибудь разобрать въ полутемномъ чуланѣ съ косями оконцемъ подъ крышей. Но вотъ улика на лицо: ведро съ помоями, и надъ нимъ копошится живое маленькое существо, Это—ребенокъ, дѣвочка съ длинными волосами, въ рубашечкѣ.

Она плещается рученкой въ ведрѣ и радостно вскрикиваетъ:

— Еще луковку нашелъ, совѣмъ цѣленькую!

— Положи на рѣшето, я сполосну ее, — отвѣчаетъ женщина у стола.

Что она тамъ дѣлаетъ у стола, подъ окномъ, съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати?

Чѣмъ они оба такъ заняты, что не видятъ вошедшихъ къ нимъ постороннихъ людей?

Перекатовъ, вытянувъ шею, приближается къ столу, шурится, разглядываетъ ихъ.

Съ вочерыжкой въ рукахъ, мальчикъ припадаетъ всей головой къ столу, придерживая на немъ голую кость, и глодалъ, скоблилъ ее зубами. Кость трещала въ его зубахъ. Между тѣмъ, женщина... Нѣтъ, этого быть не можетъ... Неужели она ѣсть мокрую вартсфельную шелуху?.. Какъ жадно ѣсть!

Застигнутые за «трапезой», люди вскакиваютъ изъ-за стола. Въ смущеніи зарываетъ мальчикъ свою кость въ вучу смокшихся хлѣбныхъ корокъ подъ рыбы жабры и желтые листья салата, сверху кладетъ вочерыжку и все накрываетъ тарелкой. Онъ затгородилъ столъ спиной и оглядывается назадъ.

Лицо женщины истощенное и синева-блѣд-

ное, но съ папилютками на лбу, мелькнуло на мгновеніе, испуганное и пристыженное подъ взглядами неожиданныхъ посѣтителей; ватъ лунный бликъ, оно мелькнуло въ сѣрой полутькѣ и спряталось. Лбомъ къ стѣнѣ прислонилась уничтоженная женщина. Она говоритъ едва слышно. Она извиняется. Она дѣлаетъ сыну упрекъ:

— Витя, надо бы сейчасъ же ведро возвратить...

Дѣвочка теребитъ за платье Анфису:

— Тетя, дай хлѣбца!

Худенькая ручка до локтя, весь передъ рубашонки и носъ выпачканы помоями, и она кусаетъ бѣлыми зубами зрячую луковицу.

Перекатовъ все это видитъ и слышитъ. Онъ комикаетъ въ рукѣ ассигнацію, кладетъ ее на столъ и молча спѣшитъ уйти съ чердака.

Крѣпко прижалъ онъ ладони къ глазамъ, остановившись посреди своего кабинета, плечи его медленно поднялись. И съ облегченной грудью онъ вытеръ морщины отъ слезъ ладони и лицо надушеннымъ платкомъ. Въ слѣдующій моментъ наступила реакція. Перекатовъ поборолъ свое намѣреніе, устыдился хорошаго душевнаго движенія, посиѣшилъ осмѣять хорошія слезы и приказалъ кухаркѣ:

— Если вы еще разъ потревожите меня своей жалобой, — получите расчетъ. И чтобъ до барыни не дошла исторія съ ведромъ. Ни словомъ не безпокоить ее!

Читая эту безхитростную «картину съ натурой», вы проникаетесь самой натуральной ненавистью къ Перекатову, — этому упитанному синониму черстваго эгоизма, карьеризма, обстановочности, парфюмерности, сытаго самодовольства. Перекатовыхъ въ жизни, что ни-й въ лѣсу. Они разнообразны, встрѣчаются на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, въ разныхъ сферахъ, и отъ нихъ происходитъ «холодъ жизни».

Отъ нихъ смертельная тоска и нищета разползается по лицу земли.

Вязигины и Перекатовы — это наше современное общество, — черствое, глухое къ призывамъ, стадное, заботящееся исключительно о личныхъ удобствахъ, личномъ благѣ.

Иногда оно стдается мичутному порыву, иногда «благородно» рефлентируетъ, но черезъ моментъ стыдится порыва и снова возвращается къ пошлости, сытой уравнищенности, узкому эгоизму.

Г-жа Виницкая блестяще справилась со своей задачей, и ея рассказъ—миниатюра «Прослезился» прочно, навсегда врѣзывается въ память и сердце читателя.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №)

Роландъ,